

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДЖОН
МИЛЬТОН

Потерянный рай

МОСКВА
2024

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
М60

John Milton
PARADISE LOST
PARADISE REGAINED

Перевод с английского *Н. Холодовского, О. Чюминой*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Франческо Коцца*

Мильтон, Джон.
М60 Потерянный рай / Джон Мильтон ; [перевод с английского Н. Холодовского, О. Чюминой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-189877-9

«Потерянный рай» — это эпическая поэма Джона Мильтона, написанная в XVII столетии, которая стала яркой и широко известной интерпретацией библейского сюжета о грехопадении человека. Поэма Мильтона поражает своей масштабно-стью и философской глубиной, исследуя пределы человеческой свободы, вопросы божественного предопределения и борьбы добра со злом. В «Потерянном рае» Мильтон повествует об искушении Адама и Евы, создавая пронзительную картину человеческой трагедии и борьбы за искупление. Книга считается одним из величайших мировых литературных произведений.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-04-189877-9

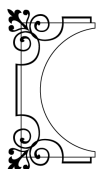
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

.....
—————

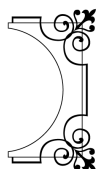
Потерянный рай

Перевод Н. А. Холодковского

—————
.....

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Эта первая книга излагает вкратце главный предмет — непослушание человека и потерю вследствие этого Рая, в котором он жил; затем она касается первой причины его падения — змеи или, точнее, Сатаны в образе змеи. Сатана, восстав против Бога и привлеки на свою сторону многие легионы Ангелов, был по повелению Божию низвержен, со всею своей ордой, с Небес в глубокую бездну. Не вдаваясь в описание этого события, поэма быстро переходит к главному действию, изображая Сатану и его Ангелов в Аду, который описывается здесь лежащим не в центре Земли (так как предполагается, что небо и Земля еще не созданы и, конечно, еще не прокляты), а в месте величайшей тьмы, которое лучше всего назвать Хаосом. Здесь Сатана с его Ангелами лежат в пылающем озере, пораженные и оглушенные громом. Через некоторое время он оправляется от своего смущения и обращается к лежащему около него Ангелу, который по чину и достоинству ближе к нему, чем все прочие; они беседуют о своем жалком падении. Сатана пробуждает все свои легионы, которые все еще лежат в беспамятстве. Они встают. Описывается их численность, боевое вооружение; поименовываются их главные вожди, соответствующие идолам, которые впоследствии почитались в Ханаане и соседних странах. Сатана обращается к ним

с речью, утешает их надеждой на завладение Небесами снова и в заключение говорит о новом мире и предполагаемом новом роде созданий, согласно древнему пророчеству и рассказам, бытующим на Небесах (дело в том, что, по мнению многих древних Отцов Церкви, Ангелы существовали задолго до появления видимых созданий). Для исследования истинности этого пророчества и для принятия решения, что следует делать ввиду этого, Сатана предлагает собрать великий совет. Его сообщники принимают предложение. Возникает из бездны Пандемиум, дворец Сатаны, внезапно построенный его слугами, и адские вельможи держат в нем свой совет.

О первом непокорстве человека,
О запрещенном древе, о плоде,
Которого смертельное вкушенье
Смерть в мир внесло и с ней все наше горе,
С утратою Эдема, до поры,
Когда он Величайшим Человеком
Нам будет возвращен, когда мы будем
Вновь обладать обителью блаженства, —
Об этом всем поведай песню, Муза
Небесная, которою когда-то
Был вдохновлен с таинственных высот
Хорива иль Синая древний пастырь,
Избраннику-народу рассказавший
О первых днях, как Небо и Земля
Возникли из Хаоса! Иль, быть может,
Живешь ты на Сионской высоте,
Иль обитаешь там, где Силоамский
Ручей течет у Трона Божества;
Где б ни витала ты, я призываю
Тебя помочь моей отважной песне,
Полет которой гордо воспарит

Превыше гор Аонии¹, касаясь
Предметов, не достигнутых поднесь
Ни прозою, ни звучными стихами.

И Ты первой всего, Ты, Вышний Дух,
Который сердце чистое всем храмам
Предпочитаешь, — Ты меня наставь!
Ты знаешь все; в начале всех начал
Ты был; подобно матери-голубке,
Над выводком любовно распростершей
Лелеющие крылья, реял Ты,
Творя миры, над бездной бесконечной!
О, просвети все, что во мне темно;
Что низко, то возвысь, чтоб я, достигнув
Вершины долгой повести моей,
Мог подтвердить всю Промысла премудрость,
Пути Его раскрыть перед людьми.
Поведай — ибо ни в эфире Неба,
Ни в бесконечной Ада глубине
Ничто от взора Твоего не скрыто, —
Поведай о причине, побудившей
Великих прародителей, блаженством
Столь взысканных, любимых Небесами,
Поставленных владыками в сем мире, —
Внезапно от Создателя отпасть
И преступить запрет — запрет единый!
Кто их вовлек в постыдный тот мятеж?
То Адский Змий был; то его обман
Мать рода человеческого лестью
Пленил, когда за гордость он свою
Со всей толпою Ангелов мятежных
Низвергнут был с Небес. На помощь их

¹ *Аония* — гористая часть Беотии — страны в Северной Греции.

Надеясь твердо, он мечтал, став выше
Князей своих, сравниться со Всевышним,
Противостав Ему; честолюбиво
Поставив целью Трон и Царство Бога,
Повел он нечестивую войну
На Небесах и в бой вступил надменно.
Но тщетно он пытался! Всемогущий
Низверг его во пламени стремглав,
Разбитого, сожженного ужасно,
С высот Небес в бездонную погибель,
Чтоб там лежал в алмазных он цепях,
Терзался бы в огне неугасимом
За то, что вызвал Вышнего на бой.

И девять раз уже сменилось время,
Которым смертный мерит день и ночь,
Как он со всею ратью побежденной
Лежал, вращаясь в пламенной пучине,
Сражен и уничтожен, хоть бессмертен.
Но худший суд еще был впереди:
И мыслью об утраченном блаженстве
Терзался он, и болью страшных мук.
Вокруг себя водил он взор свой мрачный,
В котором отражалось унижение
Глубокое, но вместе с тем и гордость
Упрямая, и ненависть была;
И сколько взор охватывал бессмертный,
Он видел вкруг лишь дикую пустыню,
Со всех сторон лишь страшную тюрьму,
Пылавшую огнем, громадной печи
Подобно; но огонь тот был без света, —
Он порождал лишь видимую тьму,
В которой лишь возможно было видеть
Картины горя, области печали

И скорбной ночи — край, где никогда
Ни мира, ни покоя, ни надежды,
Повсюду проникающей, не будет,
Где лишь царит мученье без конца
И огненный поток, который серой,
Горящей вечно и неистощимой,
Питается. Таков был тот приют,
Который был мятежным уготован
Предвечной справедливостью, — темница
Отведена в удел им в крайнем мраке,
Который от небесного сиянья
И Бога трижды столько удален,
Как полюс отстоит от центра мира!
О, как несходно это место с тем,
Отколь они низвергнуты! И вскоре
В волнах огня крутящихся он видит
Вокруг себя собратий по паденью
И узнаёт, что, корчась, рядом с ним
Лежит один, к нему из всех ближайший
По чину и по преступленью, — тот,
Который был известен в Палестине
Впоследствии и звался Вельзевулom.
К нему-то обратился Архивраг,
(На небе имя Сатаны стяжавший),
Прервав молчанье страшное вокруг,
С такою речью, дерзкой и надменной:

«Ужели это ты? О, как ты пал!
Как страшно изменился ты, который
Сияньем ослепительным своим
Превосходил в блаженном царстве света
Других, сиявших ярко, мириады!
Ты ль это, кто соединен со мной
Союзом, мыслью, планами, надеждой,
Отвагой в нашем славном предприятии,

А ныне — униженьем и бедой!
Теперь ты видишь сам, в какую пропасть
С высот Небес низвергнул нас Сильнейший
Своим ужасным громом; но дотол
Кто ж знал всю силу этого оружия
Жестокого? Однако ж ни оттого,
Что пали мы, ни оттого, что далее
Еще способен причинить нам в гнев
Могучий победитель наш, нисколько
Я не раскаюсь и не изменюсь,
Хотя б мой внешний образ изменился.
Я сохраню навек всю твердость мысли
И гордое презренье в оскорбленном
Достоинстве моем; я буду тверд
Во всем, что мне служило побужденьем,
Чтоб против Всемогущего восстать,
Что привело бесчисленные рати
Вооруженных Духов к состязанью
Отважному. Дерзнули эти Духи
Власть Вышнего открыто не одобрить
И, предпочтя иметь вождем меня,
Противостав великой силе силой,
В сомнительном бою в равнинах Неба
Поколебали Трон Его. Пускай
Мы потеряли эту битву — что же?
Не все еще потеряно: есть воля
Несокрушимая, есть жажда мести,
И ненависть бессмертная, и храбрость,
Которая вовек не подчинится
И не уступит никому, — и мало ль
Что есть неодолимого у нас?
И эту нашу славу не исторгнет
Ни ярость, ни могущество Его.
Склонить главу, молить о милосердии,

Став на колена, и боготворить
Владычество Его — Того, Который
Недавно сам в той власти усомнился
Из страха перед нами, — это было б
Действительно позорно; это было б
Бесславьем и стыдом гораздо худшим
Всего паденья нашего. Судьба
Велела, чтоб богов святая сила
И сущность их небесная была
Неистребима; ныне мы имеем
И опыт, нам доставленный событием
Великим тем; оружием не слабее,
Лишь осторожней стали мы теперь;
Тем с большею надеждою мы можем
Отважиться на вечную войну,
Решить ее иль силой, иль коварством,
Не примирясь с врагом великим нашим,
Хотя и торжествует ныне Он
И, предаваясь радости великой,
Царит один над небом, как тиран».

Так говорил отступник-Ангел, громко
Хвалясь средь мук, хотя его внутри
Глубокое отчаянье терзало.
Ему собрат отважный отвечал:

«О Князь, о вождь князей могучих многих,
Которые, ведомые тобой,
Вели на битву войско Серафимов
Вооруженных! Грозными делами,
Бесстрашные, поставили они
В опасность царство Вечного Владыки;
Не побоялись испытать, на чем
Основано его все превосходство —
На силе, или счастье, иль судьбе.

Я слишком вижу, слишком сожалею,
Как горестен исход попытки нашей,
Какое понесли мы поражение,
Какой удар позорный нас лишил
Небес и наши доблестные рати
В ужасном разрушении низложил!
Погибли мы, насколько могут боги
И существа небесные погибнуть;
Останутся, конечно, ум и дух
Непобедимы, сила вновь вернется,
Хотя потухла слава и блаженство
Поглощено безмерною бедой;
Но я боюсь, чтоб Он, наш победитель
(Его готов всесильным я считать
Затем, что лишь всесильный был способен
Такие силы одолеть, как наши), —
Чтоб не оставил Он нам дух и силу
Лишь для того, чтоб мы сильнее страдали
И муки наши тяжкие несли
В угоду гневной мести; чтоб, по праву
Войны, Ему рабами были мы,
Служили б больше прежнего, свершая
Его веленья в самом сердце Ада,
Его желанья — в этой бездне тьмы!
Тогда что пользы, если наша сила
Не меньше стала, наше бытие
Все так же вечно — лишь для вечной муки?»

Ему ответил быстро Архивраг:

«О падший Херувим! Кто слаб, тот жалок,
Страдает он иль действует; но знай —
Теперь для нас одно лишь несомненно:
Добра творить не будем мы вовек;
Творить лишь Зло — все наше утешенье,